

О мёртвой царевне и семи богатырях

Царь с царицею простился,

В путь-дорогу снарядился,

И царица у окна

Села ждять его одна.

Ждёт-пождёт с утра до ночи,

Смотрит в поле, инда очи

Разболелись, гляючи

С белой зори до ночи.

Не видать милого друга!

Только видит: вьётся вьюга,

Снег валится на поля,

Вся белёшенька земля.

Девять месяцев проходит,

С поля глаз она не сводит.

Вот в сочельник в самый, в ночь

Бог даёт царице дочь.

Рано утром гость желанный,

День и ночь так долго жданный,

Издавеча наконец

Воротился царь-отец.

На него она взглянула,

Тяжелёшенько вздохнула,

Восхищенья не снесла

И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,

Но как быть? и он был грешен;

Год прошёл, как сон пустой,

Царь женился на другой.

Правду молвить, молодица

Уж и впрямь была царица:

Высока, стройна, бела,

И умом и всем взяла;

Но зато горда, ломлива,

Своенравна и ревнива.

Ей в приданое дано

Было зеркальце одно;

Свойство зеркальце имело:

Говорить оно умело.

С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
“Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?”
И ей зеркальце в ответ:
“Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее”.
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищёлкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,

Поднялась - и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
“Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?”
Что же зеркальце в ответ?
“Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее”.
Как царица отпрыгнёт,
Да как ручку замахнёт,

Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
“Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне назло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всём меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?” Зеркальце в ответ:
“А царевна всё ж милее,
Всё ж румяней и белее”.
Делать нечего. Она,
Чёрной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку

И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав её, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Черт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась
И до смерти испугалась
И взмолилась: “Жизнь моя!
В чём, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя”.
Та, в душе её любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
“Не кручинься, бог с тобой”.

А сама пришла домой.

“Что? - сказала ей царица. -

Где красавица девица?” -

“Там, в лесу, стоит одна, -

Отвечает ей она.-

Крепко связаны ей локти;

Попадётся зверю в когти,

Меньше будет ей терпеть,

Легче будет умереть”.

И молва трезвонить стала:

Дочка царская пропала!

Тужит бедный царь по ней.

Королевич Елисей,

Помолясь усердно богу,

Отправляется в дорогу

За красавицей душой,

За невестой молодой.

Но невеста молодая,

До зари в лесу блуждая,

Между тем всё шла да шла

И на терем набрела.
Ей навстречу пёс, залая,
Прибежал и смолк, играя.
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пёс бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно! -
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила богу свечку,

Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: “Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица”.

И царица к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те опознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок;
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зелёного вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломил
Да кусочек прикусила
И с дороги отдохнуть
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх, во светлую светлицу,
И оставили одну

Отходящую ко сну.

День за днём идёт, мелькая,

А царевна молодая

Всё в лесу; не скучно ей

У семи богатырей.

Перед утренней зарёю

Братья дружною толпою

Выезжают погулять,

Серых уток пострелять,

Руку правую потешить,

Сорочина в поле спешить,

Иль башку с широких плеч

У татарина отсечь,

Или вытравить из леса

Пятигорского черкеса.

А хозяйшкой она

В терему меж тем одна

Приберёт и приготовит.

Им она не прекословит,

Не перечат ей они.

Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: “Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так, бога ради,
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?”

“Ой, вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, -
Им царевна говорит, -
Коли лгу, пусть бог велит

Не сойти живой мне с места.

Как мне быть? ведь я невеста.

Для меня вы все равны,

Все удалы, все умны,

Всех я вас люблю сердечно;

Но другому я навечно

Отдана. Мне всех милей

Королевич Елисей”.

Братья молча постояли

Да в затылке почесали.

“Спрос не грех. Прости ты нас, -

Старший молвил поклонясь. -

Коли так, не заикнуса

Уж о том”. - “Я не сержуся, -

Тихо молвила она, -

И отказ мой не вина”.

Женихи ей поклонились,

Потихоньку удалились,

И согласно все опять

Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить её,
А на зеркальце своё
Долго дулась и сердилась:
Наконец об нём хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
“Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?”
И ей зеркальце в ответ:
“Ты прекрасна, спору нет;
Но живёт без всякой славы,
Средь зелёных дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей”.
И царица налетела
На Чернавку: “Как ты смела

Обмануть меня? и в чём!..”

Та призналася во всём:

Так и так. Царица злая,

Ей рогаткой угрожая,

Положила иль не жить,

Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,

Милых братьев поджидая,

Пряла, сидя под окном.

Вдруг сердито под крыльцом

Пёс залаял, и девица

Видит: нищая черница

Ходит по двору, клюкой

Отгоняя пса. “Постой.

Бабушка, постой немножко, -

Ей кричит она в окошко, -

Пригрожу сама я псу

И кой-что тебе снесу”.

Отвечает ей черница:

“Ох ты, дитяtko девица!

Пёс проклятый одолел,

Чуть до смерти не заел.

Посмотри, как он хлопочет!

Выдь ко мне”. - Царевна хочет

Выйти к ней и хлеб взяла,

Но с крылечка лишь сошла,

Пёс ей под ноги - и лает

И к старухе не пускает;

Лишь пойдёт старуха к ней,

Он, лесного зверя злей,

На старуху. Что за чудо?

“Видно, выспался он худо, -

Ей царевна говорит. -

На ж, лови!” - и хлеб летит.

Старушонка хлеб поймала;

“Благодарствую, - сказала, -

Бог тебя благослови;

Вот за то тебе, лови!”

И к царевне наливное,

Молодое, золотое,

Прямо яблочко летит...

Пёс как прыгнет, завизжит...

Но царевна в обе руки

Хвать - поймала. "Ради скуки

Кушай яблочко, мой свет.

Благодарствуй за обед..." -

Старушоночка сказала,

Поклонилась и пропала...

И с царевной на крыльцо

Пёс бежит и ей в лицо

Жалко смотрит, грозно воеет,

Словно сердце пёсье ноет,

Словно хочет ей сказать:

Брось! - Она его ласкать,

Треплет нежною рукою:

"Что, Соколко, что с тобою?

Ляг!" - и в комнату вошла,

Дверь тихонько заперла,

Под окно за пряжу села

Ждать хозяев, а глядела

Всё на яблоко. Оно

Соку спелого полно,

Так свежо и так душисто,

Так румяно-золотисто,

Будто мёдом налилось!

Видны семечки насквозь...

Подождать она хотела

До обеда; не стерпела,

В руки яблочко взяла,

К алым губкам поднесла,

Потихоньку прокусила

И кусочек проглотила...

Вдруг она, моя душа,

Пошатнулась не дыша,

Белы руки опустила,

Плод румяный уронила,

Закатилися глаза,

И она под образа

Головой на лавку пала

И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой

Возвращались толпой

С молодецкого разбоя.

Им навстречу, грозно воя,

Пёс бежит и ко двору

Путь им кажет. "Не к добру! -

Братья молвили, - печали
Не минуем". Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пёс на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мёртвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить её хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный

Труп царевны молодой
Положили - и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб её к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решёткой оградили;
И, пред мёртвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: “Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима -
Не досталась никому,
Только гробу одному”.

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла

И вопрос свой задала:

“Я ль, скажи мне, всех милее,

Всех румяней и белее?”

И услышала в ответ:

“Ты, царица, спору нет,

Ты на свете всех милее,

Всех румяней и белее”.

За невестою своей

Королевич Елисей

Между тем по свету скачет.

Нет как нет! Он горько плачет,

И кого ни спросит он,

Всем вопрос его мудрён;

Кто в глаза ему смеётся,

Кто скорее отвернётся;

К красну солнцу наконец

Обратился молодец:

“Свет наш солнышко! Ты ходишь

Круглый год по небу, сводишь

Зиму с тёплой весной,

Всех нас видишь под собой.

Аль откажешь мне в ответе?

Не видало ль где на свете

Ты царевны молодой?

Я жених ей”. - “Свет ты мой, -

Красно солнце отвечало, -

Я царевны не видало.

Знать, её в живых уж нет.

Разве месяц, мой сосед,

Где-нибудь её да встретил

Или след её заметил”.

Тёмной ночи Елисей

Дождался в тоске своей.

Только месяц показался,

Он за ним с мольбой погнался.

“Месяц, месяц, мой дружок,

Позолоченный рожок!

Ты встаёшь во тьме глубокой,

Круглолицый, светлоокий,

И, обычай твой любя,

Звёзды смотрят на тебя.

Аль откажешь мне в ответе?

Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей”. - “Братец мой, -
Отвечает месяц ясный, -
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна, видно,
Пробежала”. - “Как обидно!” -
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
“Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай”.

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
“Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,

Не боишься никого,

Кроме бога одного.

Аль откажешь мне в ответе?

Не видал ли где на свете

Ты царевны молодой?

Я жених её”. - “Постой, -

Отвечает ветер буйный, -

Там за речкой тихоструйной

Есть высокая гора,

В ней глубокая нора;

В той норе, во тьме печальной,

Гроб качается хрустальный

На цепях между столбов.

Не видать ничьих следов

Вкруг того пустого места;

В том гробу твоя невеста”.

Ветер дале побежал.

Королевич зарыдал

И пошёл к пустому месту,

На прекрасную невесту

Посмотреть ещё хоть раз.

Вот идёт, и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг неё страна пустая;
Под горою тёмный вход.
Он туда скорей идёт.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумлёнными глазами;
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
“Как же долго я спала!”
И встаёт она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он её берёт
И на свет из тьмы несёт,
И, беседуя приятно,

В путь пускаются обратно,

И трубит уже молва:

Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела

Злая мачеха сидела

Перед зеркальцем своим

И беседовала с ним,

Говоря: “Я ль всех милее,

Всех румяней и белее?”

И услышала в ответ:

“Ты прекрасна, слова нет,

Но царевна всё ж милее,

Всё румяней и белее”.

Злая мачеха, вскочив,

Об пол зеркальце разбив,

В двери прямо побежала

И царевну повстречала.

Тут её тоска взяла,

И царица умерла.

Лишь её похоронили,

Свадьбу тотчас учинили,

И с невестою своей

Обвенчался Елисей;

И никто с начала мира

Не видал такого пира;

Я там был, мёд, пиво пил,

Да усы лишь обмочил.